

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ЭТИЧЕСКОЕ

А.С. МАРТЫНОВ

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ И ПЕРЕВОДЫ

В ИМПЕРАТОРСКОМ КИТАЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

А.С. Мартынов

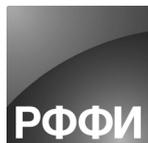
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И ЭТИЧЕСКОЕ
В ИМПЕРАТОРСКОМ КИТАЕ

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ И ПЕРЕВОДЫ

Москва
Наука – Восточная литература
2019

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)
М29

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 19-19-00139,
не подлежит продаже*

Ответственные редакторы
И.Ф. Попова, К.Г. Маранджян

Мартынов А.С.

Государственное и этическое в императорском Китае : избранные статьи и переводы / А.С. Мартынов ; отв. ред. И.Ф. Попова, К.Г. Маранджян; Ин-т восточных рукописей РАН. — М. : Наука — Вост. лит., 2019. — 287 с. — (Corpus Sericum). — ISBN 978-5-02-039767-5

В книгу вошли написанные в разные годы и отобранные самим автором статьи А.С. Мартынова (1933–2013), выдающегося отечественного китаеведа, одного из создателей отечественной школы изучения традиционной идеологии стран Дальнего Востока. Сборник состоит из предисловия и двух частей. В первую часть включены статьи, рассматривающие вопросы общего мироустройства в императорском Китае: исследование категории «дэ» как синтеза «порядка» и «жизни», изучение различных церемоний при дворе, соотношение государственного и этического. Вторую часть составили статьи по конфуцианству, а также перевод трактата Хуэй-юаня «Монах не должен оказывать почести императору». Заключает книгу библиография научных трудов А.С. Мартынова.

ISBN 978-5-02-039767-5

© Институт восточных рукописей РАН, 2019
© Редакционно-издательское оформление. Наука –
Восточная литература, 2019

Предисловие

В данный сборник включены написанные в разные годы статьи Александра Степановича Мартынова, выдающегося отечественного китаевода, одного из создателей отечественной школы изучения традиционной идеологии стран Дальнего Востока. 15 декабря 2013 г. Александр Степанович ушел из жизни, но статьи для данного сборника, запланированного к его 80-летию, отобрал именно он.

А.С. родился 2 октября 1933 г. в Ленинграде в семье служащих, военные годы провел в деревне Пески Осташковского района Калининской (Тверской) области, малой родине своих родителей. В 1952 г., окончив среднюю школу, поступил на отделение китайской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета, который с отличием окончил в 1957 г. с дипломной работой по теме «Понятие *вэнь* в старом китайском литературоведении». В том же году А.С. Мартынов выдержал экзамены и был принят в аспирантуру Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Специальностью, которую А.С. Мартынову предстояло освоить в аспирантуре, была тибетская филология. Проявив уже в студенческие годы исследовательский интерес к классической филологии и духовной культуре Китая, А.С. увлекся и проблемой взаимоотношений имперского центра и некитайской периферии в древности и Средние века. Под руководством В.С. Воробьева-Десятовского он изучал в Университете тибетский язык.

Ориентированность А.С. на тибетологию была связана с необходимостью укрепить традиционное для петербургско-ленинградской школы классического востоковедения направление в Ленинградском отделении Института народов Азии (как в 1960–1968 гг. называлось ЛО ИВ АН) молодыми кадрами. В сентябре 1956 г. сотрудники ЛО ИНА старшего поколения К.М. Черемисов и Б.И. Панкратов по заданию администрации Отделения составили докладную записку о перспективах возрождения тибетологии в стенах Института. В ней были перечислены тибетские памятники из собрания ЛО ИНА и работы тибетологов предшествующих поколений, нуждающиеся в издании, а также был поднят вопрос о возобновлении каталогизации тибетского фонда ЛО ИНА¹.

Тема кандидатской диссертации А.С. Мартынова была выбрана историческая, первоначально она была сформулирована как «Тибетско-непальский конфликт и война Китая с Непалом 1791–1792 гг.». В отзыве Б.И. Панкратова, научного руководителя А.С., от 15 апреля 1960 г. было указано, что «А.С. Мартынов специализируется

¹ М.И. Воробьева-Десятовская, Л.С. Савицкий. Тибетоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 175.

в области тибетской филологии и истории». Кандидатская диссертация А.С. Мартынова была обсуждена на заседании Дальневосточного кабинета ЛО ИНА и признана завершённой 21 ноября 1960 г., а спустя месяц, 22 декабря 1960 г. он был зачислен в Институт на должность младшего научного сотрудника.

Первые опубликованные статьи А.С. Мартынова были посвящены отдельным конкретным вопросам истории китайско-тибетских взаимоотношений в период, непосредственно предшествовавший завоеванию Тибета Цинским государством. При этом с самого начала молодой исследователь ставил и пытался найти ответы на основополагающие вопросы о природе и сущности императорской власти в Китае. «Какое влияние маньчжурское владычество оказало на судьбу Китая? Каков был характер господства маньчжуров над народами, населявшими огромную империю? Для того чтобы ответить на эти общие вопросы, необходимо предварительно провести серию частных исследований в различных областях общественной жизни маньчжурской империи» — так начиналась одна из ранних статей А.С. Мартынова².

В период, когда А.С. начинал свой путь в науке, руководство Академии наук поставило перед ЛО ИВ задачу ввести в науку большое количество рукописных памятников из собрания Института, а также продолжить исследования «в области истории докапиталистических формаций на Востоке»³. Был составлен план описания коллекций, созданы группы по каталогизации фондов, в том числе и Дуньхуанская, работавшая в Институте под руководством Л.Н. Меньшикова с 1957 г.

В 1962 г. А.С. был включен в состав группы по обработке дуньхуанского фонда, и стал одним из авторов 2-го тома его Описания, увидевшего свет в 1967 г.⁴. Как позже признавался сам Александр Степанович, данная работа не вполне соответствовала его характеру и темпераменту, но первые серьезные сведения по китайскому буддизму, протонародному и элитарному, он приобрел именно тогда. Затем в 1966–1967 гг. А.С. Мартынов принимал участие в инвентаризации тибетской части рукописного фонда из Хара-Хото (Внутренняя Монголия, КНР). Составлял также инвентарь тибетского фонда, список китайских и маньчжурских картографических материалов ЛО ИНА.

Следует отметить, что А.С. в силу своей обязательности не отказывался от не всегда радовавшей его общественной работы: с октября 1962 по март 1965 г. он выполнял обязанности ученого секретаря Дальневосточного кабинета; многие годы принимал участие в работе городского лектория; с 1969 по середину 1980-х годов был народным заседателем суда Дзержинского района г. Ленинграда.

Притом что А.С. Мартынов не торопился с защитой диссертации и с формальным получением степени кандидата наук, он с первых своих лет в науке был очень активен как исследователь, выделяясь этим даже на фоне своих коллег по Институту, среди которых было немало замечательных ученых. А.С. постоянно апробировал результаты своих размышлений на заседаниях Годичных сессий ЛО ИВ АН, публиковал очень емкие статьи в сборниках «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока»; в 1970 г. принял участие в научной конференции «Об-

² А.С. Мартынов. О некоторых особенностях политики Цинского правительства в Тибете в конце XVIII в. (предыстория маньчжурского похода в Непал в 1792 г.) // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука, ГРВЛ, 1966. С. 243.

³ Д.Е. Бертельс. Введение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 70.

⁴ Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. 2 / М.И. Воробьева-Десятовская, И.Т. Зограф, А.С. Мартынов, Л.Н. Меньшиков, Б.Л. Смирнов. Под ред. Л.Н. Меньшикова. М.: Наука, ГРВЛ, 1967.

щество и государство в Китае», впервые организованной Институтом востоковедения в Москве, и затем был ее постоянным участником вплоть до 1993 г.

Отталкиваясь от исследования взаимоотношений Китая с внешним миром, А.С. Мартынов выделил основные категории и принципы, на которых строилась идеология этих взаимоотношений. Дальнейший анализ позволил ему разработать оригинальную методологию изучения структуры китайской императорской власти как универсальной, мироустроительной, распространявшейся не только на общество, но и на космос в целом. Принципиально новым в этом подходе было то, что государство как бюрократическая система не рассматривалось им в качестве основного элемента в структуре представлений о власти. Главным элементом в имперской идеологии А.С. считал не совпадавший с конфуцианским мировоззрением комплекс идей, связанных с ритуалом монархии. В своих ранних теоретических работах А.С. Мартынов стремился показать, что такой стереотип мог действовать в традиционных обществах Дальнего Востока как вполне реальная программа политического действия. При этом А.С. постоянно подчеркивал, что конфуцианство и императорская доктрина не отрицали друг друга, более того, они нуждались друг в друге и вели между собой непрерывный диалог, обеспечивавший устойчивость китайской государственной идеологии.

Все свои теоретические построения А.С. Мартынов основывал на глубоком анализе письменных памятников. За скрупулезным выявлением и определением точного значения основных терминов в китайских политических текстах стояло стремление адекватно интерпретировать с помощью категорий современной мировой науки содержание политической доктрины императорского Китая. Первые итоги своей работы по реконструкции понятийного аппарата официальной идеологии традиционного Китая А.С. обобщил в начале 1970-х годов в двух пространственных статьях «О двух рядах терминов в китайских политических текстах»⁵ и «Сила дэ монарха»⁶. Последняя в переработанном виде вошла в главу «Основные группы терминов традиционной китайской политической теории» монографии «Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений», увидевшей свет в 1978 г.⁷ Основу монографии составил текст диссертации А.С. Мартынова, защищенной на Восточном факультете ЛГУ 18 декабря 1975 г. Монография, на конкретном материале китайско-тибетских взаимоотношений показавшая практическую применимость традиционной китайской политической идеологии, подвела итог первого этапа научной деятельности А.С.

В представлении на А.С. Мартынова к присвоению звания старшего научного сотрудника от 11 ноября 1978 г. Е.И. Кычанов писал: «Ряд работ А.С. Мартынова, в частности, „Сила дэ монарха“, статьи о традиционных и идеологических основах, взаимоотношении Китая с соседями, характеризуют А.С. Мартынова как крупного теоретика истории китайской идеологии, идеи которого восприняты и творчески осваиваются его коллегами как в Ленинграде, так и в Москве. А.С. Мартынов руководил подготовкой сборника „Буддизм, культура и общество в странах Дальнего Востока“. Один из незаурядных и ярких китаеведов не только ЛО ИВ АН, но и нашей страны вообще, А.С. Мартынов как никто другой в Отделении в настоящее время заслуживает перевода в старшие научные сотрудники.»

⁵ А.С. Мартынов. О двух рядах терминов в китайских политических текстах // ППВ. Ежегодник 1969. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 343–352.

⁶ А.С. Мартынов. Сила дэ монарха // ППВ. Ежегодник 1971. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. С. 341–387.

⁷ А.С. Мартынов. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, ГРВЛ, 1978.

Упомянутый в данном документе сборник увидел свет в 1982 г. под скорректированным названием «Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века». Это был первый опыт редакторской работы А.С. Мартынова. Книга начиналась его предисловием, обобщавшим выводы авторов сборника о многообразии взаимоотношений пришедшего на Дальний Восток извне буддизма с местной традицией. Развивая идею о сакральном характере власти, А.С. отмечал, что ни в одном из государств Восточной Азии буддизм не стал основной религией, поскольку власть здесь лишь использовала все бытовавшие религиозные верования для поддержания общественного порядка и не допускала преобладания ни одного из них над государством⁸. В том же сборнике была помещена статья А.С. Мартынова, посвященная проблеме, которая все более занимала его с конца 1970-х годов, а именно: соотношению официальной китайской идеологии с духовным миром конфуцианской личности⁹. На примере воззрений ряда ярких мыслителей традиционного Китая, в первую очередь Чжу Си и Су Дун-по, А.С. Мартынов исследовал особенности конфуцианской мысли, развившиеся под влиянием идей буддизма и даосизма, показал самодостаточность (персонализм) и в то же время жесткую социальную ориентированность конфуцианской личности.

Тонкое понимание внутреннего мира средневекового китайского интеллектуала стало возможным прежде всего благодаря умению А.С. Мартынова работать с текстами самого разного содержания и жанра — философскими, политическими, литературными сочинениями, эпиграфическими и эпистолярными источниками. Разгадать значение и ценность личности в системе дальневосточной цивилизации ему позволил яркий талант филолога и всестороннее знание не только китайской, но европейской культуры, ориентированной на признание бесконечной ценности личности. Китайская культура всегда рассматривалась А.С. Мартыновым как часть общемировой. В его статьях проводились интересные параллели между духовными достижениями Китая и Европы, касалось ли это социально-философских идей утопизма, феномена абсолютизма, народных верований, поэтического восприятия природы и многого другого. А.С. хорошо знал и прекрасно разбирался и в русской, и в европейской (классической и современной) литературе. Он ориентировался в новейших достижениях филологической мысли XX в., не замыкаясь при этом на востоковедении: в своих статьях и всегда очень ярких устных выступлениях А.С. демонстрировал не поверхностное знакомство с идеями М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Л.Я. Гинзбург и др.

А.С. удалось глубоко исследовать, в частности, проблему эстетизма средневекового китайского конфуцианца: «В Европе, начиная с античности, сферы государственного и эстетического находились всегда на довольно значительном расстоянии друг от друга. Иначе обстояло дело в Китае. Государственность Средней империи в целом была намного теснее, нежели европейская, связана с изящной словесностью, что наглядно демонстрируется образом китайского чиновника, который самой системой экзаменов вынужден быть и литератором. <...> С другой стороны, понимание государственной деятельности как главной формы проявления личностной сущности

⁸ А.С. Мартынов. Буддизм и общество в странах Восточной Азии. (Предисловие) // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. Сб. ст. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 7.

⁹ А.С. Мартынов. Буддизм и конфуцианцы: Су Дун-по (1036–1101) и Чжу Си (1130–1200) // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. С. 206–316.

как самого государя, так и сановников сплавило воедино государственную службу и внутреннюю духовную жизнь носителя официальной китайской культуры»¹⁰.

В дальнейшем, отталкиваясь от данного положения, А.С. вышел на ряд серьезных обобщений, касавшихся содержания и структуры китайской духовной культуры в целом. Он сумел сформулировать важнейшие ее постулаты, влиявшие на художественное слово, живопись, музыку и др. А.С. обратил внимание на существование «несомненного изоморфизма в традиционной китайской культуре», в самых разных ее сферах, включая политические доктрины, философские концепции и изящную словесность: «Частные проявления этого изоморфизма можно фиксировать не только на уровне структурных подобий, но и в известном тематическом единстве, прослеживаемом иногда вплоть до употребления в различных сферах культуры одних и тех же устойчивых выражений»¹¹.

Традиционная китайская идеология, которая по большому счету никогда ничего не отвергала на протяжении всей своей истории, покоилась на комплексе категорий, зародившихся в глубокой древности. Исследованные в работах А.С. Мартынова контентно емкие и многозначные категории благопристойности (*ли*), гуманности (*жэнь*), добродетели (*дэ*), верности (*чжун*), искренности (*чэн*), истинности (*синь*) и др. прошли через всю историю традиционной китайской идеологии, обеспечивая ей преемственность и жизнеспособность и в то же время претерпевая многие интерпретации, по-разному акцентировавшие, расширявшие и углублявшие их содержание. Индивидуальный этический комплекс конфуцианской личности, призванной вести и проявлять себя так, как подобает благородному мужу в неоднозначных условиях постоянно меняющейся действительности, строился на усвоении жестких принципов поведения, обозначенных этими категориями.

В конце 1980-х — 1990-е годы А.С. публикует ряд обширных статей, в которых находят развитие заложенные в его предшествующих работах важнейшие идеи, связанные с характером полифункциональности и эстетизма китайского ритуала в сфере внешнеполитических сношений¹², соотношением нормативности и новаций в имперской идеологии Китая¹³, а также прослеживаются связи конфуцианской традиции с государственной организацией¹⁴, с общей оценкой этической роли конфуцианства в культуре императорского Китая¹⁵ и др. Важной темой в научном творчестве А.С. Мартынова остаются взаимоотношения буддизма и государства. При его активном участии выходит сборник «Буддизм и государство на Дальнем Востоке» (М., 1987), в котором он публикует пространную вступительную статью, а также исследование о включении буддийских элементов в структуру государственного ритуала и идеологии в период династий Суй и Тан. Высокая исследовательская культура А.С. Марты-

¹⁰ А.С. Мартынов. Международные отношения как тема китайской изящной словесности // ПП и ПИКНВ. XIV годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Декабрь 1978 г. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. Ч. I. С. 129.

¹¹ А.С. Мартынов. Несколько замечаний о комплексе «Небо–Земля» в китайских художественных, политических и философских текстах // Литературы стран Дальнего Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. С. 28.

¹² А.С. Мартынов. Значение приезда послов в императорском Китае // НАА. 1979, № 1. С. 27–39.

¹³ А.С. Мартынов. Традиция и политика в период Цяньлун // Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 207–230.

¹⁴ А.С. Мартынов. Чжу Си и официальная идеология императорского Китая // Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 111–125.

¹⁵ А.С. Мартынов. Государственное и этическое в императорском Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 274–298.

нова нашла проявление во внимательном его отношении к работам своих коллег-китаеведов: им было опубликовано более десятка рецензий на научные труды самого разного содержания.

Изученные на материале китайских источников системы ценностей, ритуалов, идей, моделей и категорий со временем воплотились в собственное целостное представление о духовной культуре Китая. В предисловиях и комментариях, сопровождающих опубликованные им в начале 2000-х годов переводы китайской классики, А.С. Мартынов анализирует комплекс идей раннего конфуцианства, основанного на классических текстах «Чжун юн», «Лунь юй» и «Мэн-цзы», «Сюнь-цзы»¹⁶, а также дает комплексную характеристику философской системы неоконфуцианства, прорабатывая сочинения Чжу Си, Чжан Цзая, Чжан Цзю-чэна, Чжэн Чжун-ина, Чжан Юэ и др.¹⁷ А.С. убедительно показывает, что с началом неоконфуцианского этапа в китайской идеологии «центр философского размышления бесповоротно перемещается из временного измерения в пространственное: конфуцианец размышляет преимущественно не об опыте предшествующих эпох, а о характере своего собственного сознания»¹⁸.

В тематику исследований А.С. Мартынова входила и история формирования китайской границы. С 1 декабря 1986 г. он трудился в должности ведущего научного сотрудника ЛО ИВ АН и главы входящей в Сектор источниковедения и историографии Китая и Центральной Азии Танской группы, задачей которой был перевод географических разделов «Новой истории династии Тан» («Синь Тан шу»). С 27 января 1992 г. А.С. Мартынов — заведующий Сектором ИИКиЦА. После того как этот Сектор в декабре 2003 г. вошел в состав Сектора Дальнего Востока СПбФ ИВ РАН, стал заведовать Сектором ДВ. С 1 сентября 2007 г. по личной просьбе он оставил эту должность и работал в Институте уже как старший и ведущий научный сотрудник.

С 1990 г. А.С. Мартынов много преподавал в вузах Санкт-Петербурга: в Восточном институте он вел спецкурсы «Три учения (*сань цзяо*)» и «Традиционный китайский эстетизм», позже в СПбГУ читал курсы «Введение в синологию», «Семиотика и культура» и др.

В Китае Александру Степановичу довелось побывать лишь дважды: в 1989–1990 гг. в течение года и затем в сентябре 2003 г. в течение одной недели.

Благодаря незаурядному таланту ученого, широкой эрудиции, уникальным познаниям, глубокому и яркому исследовательскому уму А.С. Мартынов создал целый ряд работ, который вошли в золотой фонд отечественного китаеведения и нашли широкое признание не только среди востоковедов, но и исследователей самого широкого гуманитарного профиля.

И.Ф. Попова

¹⁶ Классическое конфуцианство: Лунь Юй. Мэн-цзы. Сюнь-цзы. В 2 т. Т. I: *Конфуций*. Лунь Юй / Переводы, статьи, комментарии А.С. Мартынова. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000 (Мировое наследие); А.С. Мартынов. Конфуцианство. «Лунь юй» / Пер. А.С. Мартынова. В 2 т. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. Т. 1 (Мир Востока; X).

¹⁷ [Чжу Си]. О сознании (Синь). Из философского наследия Чжу Си / Пер. с кит. А.С. Мартынова, И.Т. Зограф; вступ. ст. и коммент. к пер. А.С. Мартынова; грам. очерк И.Т. Зограф. М.: Вост. лит., 2002 (Памятники письменности Востока; СХХII).

¹⁸ [Чжу Си]. О сознании (Синь). С. 58.

Содержание

Предисловие (<i>И.Ф. Попова</i>)	3
--	---

Часть I

ОБЩЕЕ МИРОУСТРОЕНИЕ

Категория «дэ» — синтез порядка и жизни	9
Значение приезда послов в императорском Китае	41
Время и история в императорском Китае (три подхода)	54
Государственное и этическое в императорском Китае	89

Часть II

КОНФУЦИАНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ, «УЧЕНИЯ» И ПРИРОДА

<i>Хуэй-юань</i> . Монах не должен оказывать почести императору (Вступление, перевод, комментарий)	112
Конфуцианская личность и природа	123
Конфуцианская утопия в древности и в средневековье	134
Буддизм и конфуцианцы: Су Дун-по (1036–1101) и Чжу Си (1130–1200)	176
Библиография научных трудов А.С. Мартынова (сост. <i>В.П. Зайцев</i>)	264
Принятые сокращения	280
Глоссарий	281